

Елена КАМБУРОВА:

«Я НЕ ХОЖУ ПО ТРУПАМ!»

В разноголосом хоре нашей эстрады Елена Камбуrowa стоит отдельно. Все про нее слышали, но мало кто видел. По телеку она не светится: денег на оплату эфира не хватает, несмотря на тридцатилетний (!) артистический стаж. Но тот, кто побывал на ее концерте хоть единожды, уже не забудет. Ее жанр — русский шансон. Репертуар — не для любителей “ум-ца-ца”: Цветаева, Вертинский, Окуджава, Ахматова. Каждая песня заставляет работать мозги и чаще биться сердце. Блоковский “Балаганчик” — двухминутный спектакль в исполнении Камбуrowой — потрясает. “Капли датского короля” верный зал подпевает про себя.

Людмила ВОЛКОВА

Сплетни и скандалы — не ее стиль. Прошуршав, молва не пристает к добродушной имени. Позади два распавшихся брака. Зато сквозь годы тянется за любимой артисткой королевский шлейф ее многочисленных преданных поклонников.

Елена Камбуrowa живет в доме, который снаружи обшарпан. Но внутри — сказка. На подоконник лестничного пролета хозяйка поставила горшки с цветами. Огромное панно — солнце из соломы “всходит” на холстине — висит прямо на стене подъезда. Хороша и сама трехкомнатная квартира. В холле прямо из паркета “растет” дерево. Кошки Маша и Катя лазают в свое удовольствие по ветвям. Всем в этом доме тепло и уютно. Интервью течет за чашкой чая с превкуснейшим одуванчиковым медом.

— Мед мне подарили поклонники. Самое большое чудо моей жизни — это мои зрители, как они сами себя называют — “камбуристы”. Многих из них я знаю: это люди, с которыми мы встречаемся почти на каждом моем концерте. Так происходит и в Москве, и на гастролях. В Театре современной пьесы я даю концерт раз в месяц. Бывали времена, под окнами поклонницы кричали, но это случайные. Выходцы из тех, других, залов...

Девочка мечтала о карьере драматической актрисы и совсем не планировала петь. В училище циркового и эстрадного искусства сбегала с уроков вокала, потому что после них болело горло. Первый подарок, который когда-то Москва сделала приехавшей поступать в Щукинское училище провинциалке — знакомство с Цецилией Мансуровой, несравненной вахтанговской Турандот.

— Я не могла ее видеть на сцене, а мне сказали, что я подражаю Мансуровой, что я обучена. Читала я получше других абитуриентов чисто интуитивно. Не взяли меня, как объяснили, из-за несоответствия внешних и внутренних данных. Зато я познакомилась с Мансуровой, была вхожа в ее дом. В тот год брали высоких, но это Провидение... Все делается так, как оно где-то задумано.

— Но разве у Провидения не бывает ошибок? Вам не за что попенять на судьбу?

— Есть за что, конечно... Почему в нашей стране массой населения было потрачено огромное количество времени на стояние в разного рода очередях? А эти огромные сумки, которые наши женщины таскали? Оказывается, можно жить так, как сегодня.

Но, впрочем, часть народа и сегодня не может жить так. Потому что у них не на что жить так. Очень много этих “почему”, которые я себе задаю, и не могу найти ответа. Почему жизнь на Земле никогда не обходится без войны, без насилия, без ужаса? И через водоворот всего этого ужаса — чудо творчества, начиная с первых фресок на скале. И сегодня, как ни стараются массовая культура и ее дирижеры убить истину, которая нам досталась от предыдущих поколений, — все равно не убивается. Так, чтоб уж совсем об асфальте.

— У вас нет друзей среди деятелей массовой культуры?

— За кого принимать Градского и Макаревича? Или Шевчука? Да, они работают на массовую аудиторию, но они — отдельно по сути от того, что делают. А с теми, кто вершит сегодняшнюю попс-кратию, не возникает желания дружить.

— Вообще-то, когда я спрашивала о передерягах судьбы, хотела узнать о вашей личной жизни...

— Было все. Я об этом не люблю говорить.

Все несложно. То одиночество, которое я воспевала, будучи в свое время совсем не одиноким человеком — и цветаевские стихи, и ахмадулинские, и ахматовские, у меня было очень много песен на эту тему, — вот оно зачем-то мне подарено. К этому можно относиться как к проклятию. А можно как к испытанию, которое тебе дано, чтобы ты понял что-то большее, чем ты бы понял, имея супруга с детьми. Я не могу сказать, что это легкая ноша. Хотя у меня масса друзей. И в общем я себя одиноким человеком не чувствую. Я могу понять, что такое настоящее одиночество. В лице великой Фаины Раневской я видела это. Она сама говорила, как она “космически одинока”. Такого космического одиночества у меня сегодня еще нет. Но вот зачем-то Господу было нужно, чтобы эта фея любви улетела... Значит, что-то я должна открыть другое...

— Вам ребенка не хотелось никогда?

— Я всегда себя ощущала на каких-то фронтах. Мне казалось, на фоне нашей жизни рождение ребенка — это выпадение... Настолько сложны были со мной дела, настолько я держалась на честном слове, что не представляла себе, как это я со всеми своими сложностями сумею вырастить человека... Может быть, это самый большой мой грех.

Самый первый серьезный концерт Елены Камбуrowой (среди других начинающих артистов, зато в самом Театре эстрады!) назывался “В путь-дорогу”. Ее туда взяли

случайно. Был конец оттепели. Она пела Новеллу Матвееву и Булата Окуджаву — и именно ее выступление вызвало самую теплую реакцию у отходящей от сталинской отморозки московской публики.

— Зато к лету 68-го мы с Ларисой Крицкой (это моя пианистка) не просто получили по шапке — от нас места живого не оставили. Иван Суржиков — знаете, такой русский певец? — кричал: “Это надо души в зачатке! В Чехословакии вот так же все начиналось!” А программа была очень светлая, поэтичная, прекрасная. Сейчас я вижу: да в ней ни грамма антисоветчины не было. Там не было песен Галича, там вообще ничего не было! Была только своя интонация: не бодряческая, не марширующая. Тогдашний директор Москонцерта кричал, что я хожу по трупам.

— Господи, чьи трупы он имел в виду?

— А вот — “В Орленке” умирают, в “Гренаде” умирают, в “Трубаче” умирают! Что ж вы за песни подобрали такие, где все умирают?”

— И как же вы выкарабкались?

— Знаете, как во всем у нас бесхозяйственность — так даже и в этом. Ругали меня, рассуждали: стоит ли вообще пускать на сцену человека с таким мышлением. “Это попишет Вертинским!” А через несколько месяцев горком ВЛКСМ добился того, что мне присвоили звание лауреата премии Московского комсомола за эту же программу!

Да, в струе эстрадного концерта тяжело петь песни Окуджавы, Новеллы Матвеевой. Особенно много было открытых площадок, там очень тяжело. Я же не могу передвигать песню в расчете на открытую площадку! Меня подержали газета “Московский комсомолец”, которая просто дралась за меня, и радиостанция “Юность”, предоставлявшая эфир. Многие меня так и запомнили — как комсомольскую певицу, хотя они абсолютно не правы. Комсомольские песни — это о БА-Ме, “Не расстанусь с комсомолом”, а я этого петь не могла, мне это чуждо, я пела о мальчиках, которые не хотели умирать.

— Вам не кажется, что ваша аудитория растет и старится вместе с вами?

— Подрастают новые. Не берусь судить, как это происходит, но из нового поколения уцелевает кто-то, кто ориентируется не только на то, что имеет промушн.

— Вы сказали, что не всем по карману сегодняшнее изобилие. Вашу аудиторию можно отнести к какому-то определенному социальному слою?

— Так и хочется сказать: учителя. Но тут же осекаешь...

* * *

В душе восторг и чувств смятенье...
Весна опять волнует кровь,
И вновь надежды и сомненья,
И верить хочется в любовь!..

Московский комсомолец 19 июля '98 23

СТРЕЛБА

— Да, у меня есть ролики. Я хотела бы чаще на них кататься в этих самых Лужниках. Но я не ожидала... Это ролики профессиональные — и я дважды очень сильно упала.